

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по научной работе

Православного Свято-Тихоновского

Гуманитарного Университета,

канд. филос. наук, доц. прот. Константин Польсков

12 2022 г.

**ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ДОКТОРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ АНДРЕЯ
ВЛАДИЛЕНОВИЧА ДАНИЛОВА «РАЗВИТИЕ ХРИСТИАНСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В ГРЕЧЕСКОЙ И
ЛАТИНСКОЙ ПАТРИСТИКЕ II–V ВВ.»**

Представленная к защите диссертация поражает прежде всего своим объемом, масштабом замысла, широтой охвата древних патристических источников. Впечатляет задел соискателя по разработке темы диссертации, в частности, отраженный в монографии «Раннехристианская антропология» (Минск: Издательство Минской духовной академии, 2019. 634 с.), а также более сорока статей и около сорока докладов, представленных в весьма широкой академической географии — от Москвы и Минска до Мюнхена и Ватикана. Насколько можно судить со стороны, результаты исследования активно внедряются в учебный и научный процесс в Минской духовной академии и Институте теологии Белорусского государственного университета, где соискатель трудится в качестве преподавателя и административного работника.

Структура работа выстроена наглядно, детально и стройно. Работа состоит из обширного вводного раздела, изобилующего разнообразной информацией, различными интересными авторскими наблюдениями, широким привлечением междисциплинарных ресурсов, двух основных частей с подробной внутренней рубрикой, заключения и библиографии. Объем источниковой базы впечатляет — более трехсот наименований только оригинальных и критических изданий! Охват исследовательской литературы также весьма значителен. Он включает в себя публикации на основных языках современной гуманитарной науки, работа с которыми по всей видимости не составляет особого труда для соискателя.

В своем тексте автор неоднократно сетует на то обстоятельство, что в отечественной и зарубежной науке «нет широкоохватного обобщающего исследования развития христианской антропологии в греческой и латинской патристике II–V вв.» (с. 58). Именно эту лакуну призвано заполнить настоящее исследование. При этом на странице 44 автор отмечает свой собственный вклад в разработку антропологической проблематики:

«...приходится констатировать, что отечественным исследователем логики развития христианской антропологии в греческой и латинской патристике II–V вв., написавшим ряд научных статей и монографию «Раннехристианская антропология»..., является автор предлагаемой диссертации».

Впрочем, нужно отдать должное смелому замыслу А.В. Данилова, однако тем большую ответственность берет на себя он как исполнитель и тем более строгому анализу и критике он подвергает свое исследование. С точки зрения методологии очень важным новаторским значением должен бы обладать некий «интегральный ключ», концептуальная формула, которую должен подобрать или изобрести исследователь, чтобы наглядно и аргументированно обработать столь обширный и сложный материал. Такого «ключа» мы, к сожалению, в работе не находим. Содержание работы обнаруживает большой дескриптивный элемент и довольно стандартные и даже устаревшие способы описания антропологического материала (дихотомия, трихотомия и проч.).

Общие замечания генерального значения по настоящей диссертации сведем к следующим пунктам: верификация предметной области исследования, общая характеристика патристического богословия и исследовательская методология.

1. Верификация предметной области исследования

По всей видимости фундаментальным убеждением автора является исключительное положение антропологии в древнем богословии. Оно лежит в основании вообще всякого богословского построения. Именно с антропологией соотносятся другие области богословской мысли — христология, триадология, сотериология, экклезиология. Источником этого убеждения служит методическая инверсия одного устойчивого принципа патристической эпистемологии «познания Бога через познание человека», которую предпринимает А.В. Данилов. Приведем обширную цитату:

«...Такова, как правило, христианская мысль о человеке. Речь идет о Боге, потому что человек видит в Нем как в зеркале свое собственное отражение. Именно это следует из христианской антропологии. Если мы хотим познавать человека, мы должны познавать Бога. Нам нужно познавать Бога, чтобы не впасть в заблуждение о человеке, чтобы не впасть в самообман. В богословии всегда присутствует антропологический интерес, когда человек стремится к Богу, молит Бога, когда он ищет Бога, ибо он сам причастен Ему. И это не случайно, а принципиально. Человек вопрошает о Боге не ради Бога, а ради уяснения своего места в мире» (с. 6)

Вместо познания человека ради познания Бога предлагается принципиальный переворот: познавать Бога, чтобы познать человека. Таким образом, осуществляется опасная

перестановка цели святоотеческого богопознания, в котором высшая цель — познание Бога и, тем самым, достижение спасения, заменяется познанием Бога как промежуточной ступенью для познания человека. В таком случае познание Бога получает подчиненное положение и утрачивает свой высший смысл. И автор уделяет этому явному недоразумению и непониманию базовой святоотеческой интуиции особое значение, характеризуя его как «генеральное направление антропологического свидетельства ранней Церкви» (с. 6).

Психологически этот ход хорошо понятен и объясним. Исследователь, возможно, не вполне осознавая, переоценивает значение своего предмета, однако от этого страдает соблюдение принципа объективности исследования. И в итоге мы получаем подмену теологии антропологией: богопознание получает подчиненное и служебное положение по сравнению с самопознанием, или познанием человека. Поэтому автор закономерно приходит к очень проблематичному выводу, а именно: «раннехристианское развитие тринитарной доктрины, а еще более христологические движения во многом являются имплицитными антропологическими надстройками» (с. 6–7). Иными словами, в основу православной догматики автор полагает антропологическую мысль, которая оказывается *базисом* (следуя авторской, а также, известно, чьей терминологии) по отношению к своему производному — христологической и тринитарной доктрине Церкви, исповедуемой в основополагающем для всего христианства в целом Вселенском символе веры. Тут невольно вспоминаются античный софист Протагор с его знаменитым утверждением — «человек есть мера всех вещей» и идеи Людвиг Фейербаха о сотворении Бога по образу и подобию человека. По нашему мнению, патристическое наследие не подтверждает, а напротив опровергает принцип антропоцентризма, положенный в основу богословской системы. Об этом в частности, в целях экономии времени и объема настоящего отзыва отсылаем к специальному исследованию: *Зерцáло или тусклое стекло? Об одной особенности христианской гносеологии (Михайлов П.Б. Категории богословской мысли. Изд-во ПСТГУ, 2015². С. 105–124).*

Автор не учитывает таких удачных находок, которыми располагает православная наука при описании антропологических идей в патристике, как, например, разработка византийского богословия, предложенная протопресвитером Иоанном Мейендорфом в книге «Византийское богословие. Исторические тенденции и догматические темы». Даже сама эта книга не упомянута в библиографии, хотя вышла уже третьим изданием на русском языке (причем одно из изданий в Минске). А в этой книге о. Иоанн предлагает реконструкцию *теоцентрической антропологии*, для которой византийские богословы использовали идеи греческой философии, в частности, идею *обожения*. Близкое и перспективное направление позднее задал и митр. Каллист Уэр, предложивший концепцию *тринитарной антропологии*

для древнего и современного христианства. Эти концепции стоит сравнить с предложенной концепцией *антропоцентричной теологии* (см. замечание выше).

Вопросы имеются и к хронологическим рамкам исследования. На с. 50 автор пишет: «Условно через сер. V в. пролегает рубеж между раннехристианскими богословами и отцами средневековья, что в целом соответствует исторической градации на эпохи античности и средневековья». В данном случае наблюдается наложение друг на друга двух терминологических систем — исторической и патрологической, что порождает противоречивый и непринятый в науке термин «отцы средневековья». Такое авторское решение не представляется достаточно убедительным и обоснованным. Наверное, лучше придерживаться принятой в церковной науке периодизации и терминологии. См. в частности, название известной книги прот. Георгия Флоровского «Византийские отцы V–VIII веков» (Париж, 1933). К средневековью же относятся западные богословы и уже не «отцы», а схоласты.

2. Общая характеристика патристического богословия

На странице 7 автор разворачивает серию интересных утверждений о древнехристианском богословии вообще, в которых содержатся множественные внутренние противоречия. Уместность всей этой общей характеристики древнехристианского богословия вообще представляется весьма сомнительной: она не обоснована никакими аргументами и не способствует раскрытию темы диссертационного исследования. Более того, эта сводка содержит в себе критические противоречия и взаимоисключающие утверждения. Взять хотя бы четвертый и пятый пункты из этого внушительного построения: «4. Уже существовали определенные нормы точной формы мысли и исключения произвола; 5. Не существовало никакой руководящей или ведущей системы христианского учения с жесткими требованиями» (с. 7). Читатель останавливается перед проблемой: как примирить утверждение о наличии некоей нормы с отрицанием существования строгой системы?

Или же седьмое положение: «7. Первой формой, которой четко и устойчиво излагались отдельные положения христианской веры, в истории Церкви была вероисповедная формула. Итак, не строились никакие догматические высказывания» (с. 7). Это утверждение можно принять лишь при условии принципиального различия концептов «вероисповедной формулы» и «догматического высказывания», но по всей видимости последовательно их различить никак нельзя. Стало быть, и эти два процитированных предложения перечеркивают друг друга.

3. Исследовательская методология

Авторская методология представлена достаточно развернуто (с. 50–56). В соответствующий раздел введения включены конкретные наблюдения и рассуждения о

специфике патристической мысли. Однако по сути исследовательская установка передается следующим пассажем: «Мы попытаемся проанализировать и систематизировать здесь высказывания раннехристианских мыслителей, относящиеся к природе человека, причем систематизировать таким образом, чтобы стало возможным понимающее упорядочивание этих высказываний между собой» (с. 53). Иными словами, методологическая программа исследователя весьма незамысловата: это сведение избранных патристических высказываний на антропологические темы в единую систему и попытка их классификации. Автор претендует на проникновение внутрь патристической мысли, не сообщая нам способов подобного проникновения, а также — на многообещающее намерение внедрить свои находки в современность, т.е. актуализировать. Именно так должно понимать следующее высказывание: «данная диссертация по раннехристианской антропологии нацелена на понимание «изнутри» вариантов антропологического учения в Церкви и на инкультурацию этого наследия в современной среде» (с. 54). Позволим себе усомниться в достижимости этих ожиданий в рамках данного исследования.

Замечания второго частного порядка по степени их значения для оценки всего исследовательского проекта мы приведем по пунктам:

1) Совершенно невероятно звучит следующее намерение автора: «Попытаемся решить проблему тематического разграничения, анализируя святоотеческий образ человека на пути от греха к спасению. Но мы не будем касаться дефиниции, кто есть и каким должен быть подлинный христианин. Итак, за скобками предлагаемого анализа останется образ человека после воскресения Христа» (с. 56). Так, стало быть, предложенная диссертация в семьсот с лишним (!) страниц посвящена вовсе не христианской антропологии, т.е. не учению Церкви о человеке!? Тогда чему же? Автор неоднократно уточняет, что его интересует «человек в скверной ситуации» (с. 56) — «скверная ситуация и начавшееся спасение человека — вот интерес раннецерковных текстов» (там же). Необычайно смелое утверждение и радикальная характеристика патристической антропологии! Впрочем, такой поворот несколько не соответствует ни формулировке темы диссертации, ни целям, ни задачам (см. с. 48–49) исследования.

2) В тексте диссертации содержатся невразумительные формулировки. Например, с. 57: «...богословская антропология не относится к классическим догматическим трактатам, то по этой области богословия не просто найти компетентную научную литературу». По всей видимости, определение *богословской антропологии* как догматического *трактата* является недоразумением или опечаткой. Иначе никак не получается интерпретировать отождествление дисциплинарного раздела богословия и литературного жанра.

3) Среди системных упущений представленного текста следует отметить отсутствие определения объекта и предмета исследования, обязательные к составлению квалификационного текста, а уж тем более такого ответственного уровня, как докторская диссертация.

4) Правописание фамилий иностранных ученых: например, Вернер Егер (с. 30), Романо Гвардинни (с. 6)

5) В примечании 2 на странице 202 автор приводит выходные данные одной публикации известного греческого патролога Панайотиса Нелласа и почему-то полностью прописывает имя, но сокращает фамилию до инициала и получается следующее: «Панайотис Н. Обожение. Основы и перспективы православной антропологии». То же повторяется и в библиографическом списке.

Представленная к защите диссертация А.В. Данилова, несмотря на высказанные замечания общего и частного порядка, удовлетворяет основным требованиям, предъявляемым к работам подобного уровня, а сам диссертант заслуживает присуждения ему искомой ученой степени доктора богословия. Отзыв составлен канд. филос. наук, профессором кафедры систематического богословия и patroлогии ПСТГУ П.Б. Михайловым, обсужден и утвержден на заседании кафедры систематического богословия и patroлогии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета 8 декабря 2022 г. Протокол № 31.

Заведующий кафедрой систематического богословия и patroлогии
кандидат исторических наук

Г. Е. Захаров

Подпись	Захарова Георгий	(ФИО)
	Евсеевича	удостоверяю
	Нарошник	отдела кадров
	Филиппова А.А.	
(подпись)	/ «8»	12 2022